

靈

氣



Михаил и Мария Роттер

ЧЕРНО-БЕЛОЕ
РЭЙ-КИ



Восток: здоровье, воинское искусство, Путь



Восток: здоровье, воинское искусство, Путь

Михаил Роттер
Черно-белое Рэй-Ки

«ИД Ганга»

2013

УДК 75.715
ББК 615.8

Роттер М.

Черно-белое Рэй-Ки / М. Роттер — «ИД Ганга»,
2013 — (Восток: здоровье, воинское искусство, Путь)

ISBN 978-5-906154-70-5

Недавно нами была выпущена большая, серьезная книга «Разноцветное Рэй-Ки»: стили, практики, методы, символы, «инструкции по применению». В отличие от нее, «Черно-белое Рэй-Ки» не является методическим руководством. Это, скорее, художественная книга, в которой «главный герой» – Рэй-Ки, вокруг которого и разворачиваются события. Но при этом в ней описаны важные нюансы практики Рэй-Ки и особые возможности его применения, включая новые символы, так что данная книга во многом дополняет предыдущую.

УДК 75.715
ББК 615.8

ISBN 978-5-906154-70-5

© Роттер М., 2013
© ИД Ганга, 2013

Содержание

Предисловие	6
«Предложат – не отказывайся»	7
Первая ступень. Вход в систему	16
Сутки первые	17
Сутки вторые	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Михаил и Мария Роттер

Черно-белое Рэй-Ки

С огромным уважением и благодарностью

© Михаил Роттер, Мария Роттер, текст, 2013

© Издательский Дом «Ганга», 2014–2016

Предисловие

Я не «добропамятный», я просто добрый и память хорошая.

Писать эту книгу было просто. Не пришлось ничего выдумывать, потребовалась только хорошая память. Точнее будет сказать, две «памяти». Одну из них я назвал «дневной» – в ней сохранялось то, что происходило, как у всех нормальных людей, «в рабочее время». Вторая – это «ночная» память, память о том, что мне снилось. Так что делать мне ничего не пришлось, разве что поработать у самого себя секретарем-машинисткой, перепечатав некоторые запомнившиеся мне события и, разумеется, добавив кое-что из тетрадей и блокнотов с записями, которые лежат у меня достаточно давно.

Завершив работу, я решил, что нужно написать предисловие. Какая же книга без предисловия? Хотя, наверное, логично было бы написать предисловие не после, а перед тем, как начинать писать основной текст.

Прочтя то, что вышло из-под моего пера (наверное, сейчас будет правильнее сказать «из-под моей клавиатуры»), я понял, что книга получилась достаточно «обрывочной», а потому странной. Связано это, наверное, с тем, что писал я исключительно «для собственного употребления», писал даже не как книгу, а как дневник, куда заносил некоторые (далеко не все) свои наблюдения, связанные с Рэй-Ки. Поэтому здесь нет единого сюжета, да я и не пытался его построить (хотя вполне можно было). Похоже это, скорее всего, на бусы, в которых каждая бусина сама по себе. Вполне понятно, что всякие нормальные бусы соединены единой нитью, иначе их просто нельзя было бы носить. В данном случае нитью, объединяющей разрозненные фрагменты, является не единая сюжетная линия, а общая тема – Рэй-Ки.

Специально хочу отметить, что все эти «умствования, наблюдения и соображения» не содержат описания никаких действительных персонажей, имен и мест, так что никаких параллелей с реальными событиями нет и быть не может.

«Предложат – не отказывайся»

*К старому банкиру приходит молодой банкир и говорит:
– У меня к Вам деловое предложение. Если Вы его примете, каждый из нас заработает по полмиллиона.
– Интересно, что это за предложение?
– Я слышал, что Вы в качестве приданого даете за своей дочерью миллион. Так вот, я согласен взять ее всего за полмиллиона.*

Вполне понятно, что качество моего сна никого, кроме меня, не интересует. Ну, может, еще девушкам не нравится, когда кавалер храпит. Однако история началась ночью, поэтому, чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, придется сообщить, что сплю я как убитый. Вообще, пока не началась история с болезнью мамы, я думал, что я каменный. Ну, может, и не совсем каменный, но до скуки спокойный. И сны мне не снились. Разве что в детстве, когда я «летал» во сне. Было потрясающе хорошо, только страшновато, потому что полет казался неуправляемым. Но чтобы во взрослом состоянии...

Конечно, я читал книжки, в которых уважаемые авторы отмечали, что сны снятся всем, причем не только людям, но и (хотя поверить в это непросто) млекопитающим, птицам, рыбам, и даже насекомым. Интересно, кстати, что снится, например, золотой рыбке?

Правда, не все эти сны помнят, потому что средний человек забывает половину своих снов через пять минут после пробуждения, а через десять минут помнит всего 10 % пришедшего ему бреда.

Разумеется, я не мог сомневаться в компетентности людей, всю свою жизнь посвятивших исследованию человеческого сна, но трудно было представить, что с такой наследственно блестящей памятью (от мамы досталась), как у меня, можно забыть что-то через несколько минут.

Ладно, мозги вещь непростая, люди и поумнее меня не могут до сих пор разобраться, как они работают. Так что приходится верить специалистам на слово.

Но увиденный этой ночью сон я запомнил. Вообще, на сон это совершенно не было похоже – скорее на фильм «Семь самураев», только немного цветной. «Немного цветной» потому, что цвета там скорее подразумевались, чем на самом деле присутствовали. Они могли бы там быть, но их не было. По крайней мере, пока не было. Почему-то (совершенно непонятно, почему), но мне казалось, что сон этот не последний и что цвета еще появятся. Так сказать, кино с продолжением.

Вообще, если это «сонное кино» и дальше будет похоже на «Семь самураев», то я не возражал. Уж больно фильм был хорош. Казалось бы, старье, 1954 года рождения, но сделано было отменно. В первый раз я его видел в кинотеатре «Иллюзион» в 1976 году. Билетов, разумеется, не было, блата тоже не было. Но самый лучший блат – это деньги. Правда, денег тоже не было, но были джинсы Beaver. «Бобер» этот стоил 160 рублей – как раз хватало на билет. Даже продавать не пришлось. Просто поменял брезентовые натуральные американские штаны на бумажный билет.

Тогда жалко было, теперь понимаю: правильно сделал. Штаны с того времени износились бы тысячу раз, а фильм остался в голове до сих пор: Япония, XVI век, строгие самурайские морды, постоянно испуганные лица крестьян.

Не могу сказать, что во сне было один к одному, но «суровый азиатский налет» точно был. Все выглядело на диво реалистично: среднего роста плотный мужчина с лицом более похожим на изделие из камня, чем на «изделие» из плоти и крови; стоит спокойно, как валун, вросший в землю; держится уверенно (чтобы не сказать надменно), с явным ощущением

собственной силы. Кимоно из плотной грубой ткани, чистое, но явно выдавшее лучшие времена. В общем, никакой театральщины: все простое, грубое, настоящее. И ни одного лишнего жеста.

Настолько настоящее, что даже во сне мне сразу захотелось узнать, что это за персонаж. Ни разу не видел, чтобы так скромно, даже бедно одетый человек так уверенно держался. Не помню уже где, читал, что есть американский психолог, который утверждает, что может определить капитал человека только по тому, как тот берется за ручку своего автомобиля. Интересно, как бы он оценил этого «кремневого человека». Автомобиля у него точно нет, а держится будто он переодетый король. Может, это местный Гарун аль-Рашид, вышедший, переодевшись, прогуляться по вечернему Багдаду? Нет, юмором О. Генри («Вам, может быть, известна история славного и бессмертного правителя, калифа Гаруна аль-Рашида, чьи мудрые и благодетельные экскурсии в жизнь его народа в Багдаде дали ему счастливую возможность исцелить столько ран?») тут и не пахло.

Пока я думал, кто это мне так явственно приснился, человек заговорил. Говорил он грубым, командным голосом на непонятном мне языке. Речь его я каким-то образом понимал и по этому поводу решил не задумываться: сон он сон и есть, во сне может быть все. Понимаю и ладно.

Мужчина был краток:

– Предложат – не отказывайся.

После чего он исчез, и на этом «фильмо-сон» закончился, только что не было заставки «Конец фильма».

А с утра завертелась обычная суета, и стало не до мыслей про странные сны, суровых незнакомцев. Мало ли чего среди ночи привидится.

Однако к полудню я вспомнил про «Предложат – не отказывайся», т. к. действительно поступило предложение. Так, ничего особенного: приятель приглашал поучаствовать в одной несложной работе. Предложение было вполне понятное: делать то, что требовалось, я умел (причем лучше, чем приятель, иначе бы он меня не позвал). Так что в связи с отсутствием нормальной инженерской работы «Предложат – не отказывайся» получилось легко, можно сказать, само собой.

Вскоре поступило и второе предложение. Позвонила моя старая знакомая и сказала:

– Володя, ты вроде бы хотел получить Рэй-Ки. Так вот, появился новый мастер. Я его не видела, но он, говорят, вполне нормальный, лучше тех, которых я тебе раньше предлагала.

Да, Рэй-Ки меня давно интересовало, только никак не складывалось. Само это слово я впервые увидел в начале девяностых годов в журнале «Цигун и спорт», в разделе «Из писем читателей». В ответ на вопрос «Расскажите, что такое Рэй-Ки...» там было сказано, что информации на эту тему на русском языке нет. Кстати, именно после такого честного заявления я стал с большим уважением относиться к редколлегии этого журнала. Другие бы, вместо того, чтобы сообщать, что они чего-то не знают, просто не напечатали бы этого читательского письма.

Потом была смешная история в курортном поселке, где на дверях столовой я увидел объявление: «Встреча с мастером Рэй-Ки». Разумеется, я туда ходил, но впечатление было весьма странное. Уж очень откровенно пахло шарлатанством.

Правда, на этой встрече мне перепала маленькая (всего 16 страниц, из них текст занимал максимум страниц 10) синяя брошюрка, которая называлась «Рейки» [5], и на обложке был какой-то иероглиф. Позже я узнал, что это новый (после японской реформы правописания 1945 года) иероглиф «Рэй-Ки». Я пишу о ней так подробно, потому что это была моя первая книжка о Рэй-Ки, и я храню ее до сих пор, хотя с того времени понял, что далеко не все (это очень мягко говоря), что в ней написано, соответствует моим теперешним представлениям.

Однако мысли из раннего дневника Хавайо Такаты (дамы, через которую Рэй-Ки попало на Запад) мне понравились, и ниже я привожу выдержки из этих записей [5].

«...Эта энергия бездонна, неизмерима и, будучи универсальной жизненной силой, непостижима для человека. Однако каждое отдельное живое существо принимает её благоденствие ежедневно во сне и наяву.

Различные учителя и мастера называют её Великим Духом, Всеобщей Жизненной Силой, Жизненной Энергией, потому что, когда она воздействует, то оживляет всю систему.

Я буду называть это “Рэй-Ки”, потому что я обучалась под знаком именно этого слова. Рэй-Ки – это не электричество, не радиоактивность и не рентгеновское излучение. Оно проникает сквозь шелк и парусину, фарфор и свинец, дерево и сталь, ибо исходит из Великого Духа, из Непостижимого. Оно не разрушает живые ткани или нервы. Оно абсолютно безвредно, поэтому действительно и безопасно. Это универсальная волна, и всё живущее получает пользу во время лечения: растения, птицы, звери, так же как и люди – дети и взрослые, бедные и богатые.

Оно может использоваться каждый день как профилактика. Бог дал нам тело – место для обитания и наш хлеб насущный. Нам была дана жизнь в этом мире для некой цели, поэтому мы должны обладать здоровьем и счастьем.

Когда эти правила применяются ежедневно, тело начинает отзываться и всё, что мы желаем в этом мире, оказывается в пределах достижимого: здоровье, счастье и путь к долголетию, который мы все ищем, – я называю это совершенством.

Будучи универсальной силой Великого Божественного Духа, Рэй-Ки принадлежит всем, кто ищет и желает научиться искусству врачевания.

С первым подключением, или инициацией, руки начинают излучать энергию при прикладывании их к больному месту. Облегчается боль, останавливается кровотечение из открытой раны; ваши руки готовы врачевать острые и хронические заболевания людей, растений, птиц и зверей.

Эта сила не знает ни цвета, ни вероучения, ни старости, ни молодости. Когда обучающийся будет готов принять её, ему будет указан путь. Контакт осуществляется посредством священной церемонии инициации. Не может быть ошибки, не может быть сомнений, так как мы связаны с Божественным Духом».

Все это было очень красиво, но явно недостаточно, чтобы я в это поверил. А вот моя доверчивая жена сходила на «посвящение» и получила первую ступень Рэй-Ки. Все было очень таинственно, даже записи о способах лечения никому нельзя было показывать. Да я и не настаивал. Я и так знал, что такого быть не может. Почему? Да потому, что господин Чехов сказал по этому поводу совершенно определенно: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Еще потому, что видел, как утром на пляже мастерица показывала восторженным дамам гимнастику, явно не целостную, а составленную из разных восточно-западных частей. Про Рэй-Ки я, разумеется, ничего не знал, но в «способах для тела» после десятков лет фанатичных занятий восточными единоборствами разобрался вполне достаточно. Так что если и Рэй-Ки было такого же качества, как эта гимнастика, то можно было не огорчаться по поводу его «неполучения».

А с рекомендацией «Предложат – не отказывайся» из сна вроде как все складывалось. Приняв первое предложение (о работе), я заработал достаточно, чтобы принять посвящение Рэй-Ки, если, разумеется, я на это решусь.

Да и чего было не сходить? У меня была на этот счет инструкция в виде старого анекдота:

– О чем думает петух, когда гонится за курицей?

– Если не догоню, так хоть согреюсь.

Вот и я решил поступить таким же способом: если не понравится, так хотя бы схожу, развлекусь. Тем более (такого в больших городах вообще не бывает), идти было недалеко: место встречи было назначено в общежитии, находящемся минутах в пяти медленного пешего ходу от дома. Причем прямо, никуда не сворачивая, на том же проспекте, где стоял мой дом. А в случайности я уже давно не верил...

На встрече все было приятно. Очень спокойный, сдержанный, вежливый, обращающийся ко всем без исключения на «Вы» молодой мастер.

Знаем мы таких вежливых, сами такие. Очень удобная форма общения. Все видят, какой ты культурный и уважительный. И одновременно никого на фамильярности не тянет.

В свое время мне перестало хотеться обращаться к людям (кроме родственников, друзей и очень старых знакомых) на «ты». И я решил более подробно ознакомиться с «официальным» способом толкования формального и неформального обращения, или, как я его называл, «пары ты—Вы».

Изначально в русской речи местоимение «ты» могло быть адресовано даже царю. Именно так происходит в русских народных сказках («Прикажи, царь-батюшка...»). Обращение же на «Вы» вошло в употребление в XVIII веке и было связано с сильным влиянием французского языка на русскую аристократию.

Предполагают, что впервые обращение на «Вы» начало применяться по отношению к римским императорам в связи с совмещением ими нескольких различных титулов. Существуют также теории, что исконно «вы» было обращением к врагу.

В английском языке, начиная с XV века, практически повсеместно было принято обращение на «Вы» (*you*). В результате этого формальное и неформальное обращение перестали различаться (все всех называли на «Вы»). Обращение на «ты» (*thou*) осталось только в архаичной и поэтической речи. Кстати, к Богу англичане (и не они одни) обращаются на «ты».

То, что даже к Богу обращаются на «ты», подтверждало мои скромные соображения о том, что ничего общего с уважением «ты—Вы» не имело. Да и никакого уважения в принципе не существовало.

Этот эффект я назвал «иллюзией уважения». Суть его заключалась в том, что люди изображают уважение друг к другу до первого (даже минимального) конфликта интересов. Наглядной иллюстрацией может служить старый, еще дореволюционный анекдот:

На улице на своем постоянном месте сидел очень интеллигентного вида нищий. Каждый день мимо него проходил щедрый господин, уважительно приподнимал шляпу и давал нищему целых два серебряных рубля. Интеллигентный нищий не менее уважительно приподнимал шляпу и очень вежливо благодарил.

Но в один прекрасный день щедрый господин нарушил многолетнюю традицию: вместо двух серебряных рублей дал нищему всего один.

– Что случилось, Ваше степенство? – удивился нищий.

– Извини, любезный, так теперь будет всегда: я женился и теперь вынужден экономить, – сказал щедрый господин.

– Вы посмотрите на эту скотину, – заорал вдруг интеллигентного вида нищий на всю улицу, – этот мерзавец женился, а я вынужден содержать его жену.

В этом случае железно сработало то, что в Каббале считалось базовым свойством любого человека, – эгоизм. Хитрющий эгоизм (когда ему «выгодно») вполне может «изображать» уважение. Когда возникает конфликт и в этом пропадает необходимость, мгновенно выясняется, что «эгоизм-то голый».

Разумеется, уважение существует, но в очень малых количествах. Настолько малых, что известные лично мне случаи искреннего уважения я могу перечислить на пальцах. Причем одной руки.

Когда я впервые это понял, мне стало достаточно обидно. Однако вскоре я смирился и стал еще больше ценить те самые, редчайшие и потому драгоценные, крупинки истинного уважения. Тем более, что никому из уважаемых людей они просто так не доставались. Это любовь может быть «просто так», на уровне «нравится—не нравится». А заслужить (и поддерживать) уважение к себе – это тяжелый и постоянный труд.

Так что обращение «ты—Вы» я для себя идентифицировал как некий переключатель, при правильном обращении позволяющий «образмеривать» дистанцию. И не только дистанцию. Еще он прекрасно размечает «поле отношений»: кто, с кем, когда, за что и сколько.

Возможно, все это было очередной моей иллюзией. Однако эта иллюзия была прямой аналогией того, что мне объяснил (точнее показал, причем очень наглядно) мастер Минь десятки лет тому назад.

Был он маленького роста и очень любил ближний бой. Точнее, другого он не понимал. По этому поводу Минь говорил так:

«Далеко – плохо. Далеко – убивать трудно. Надо близко, тогда точно можно убить. Но помни, далеко и близко – это не просто расстояние. Тут *все* разное. Когда далеко, ты можешь нападать и можешь защищаться – дистанция большая, времени достаточно – успеешь. Когда близко – никто не успеет защититься, даже я. Поэтому, когда близко – техника совсем другая. В ней совсем нет защиты – только атака. Атака, которую ты не можешь прервать. Если против тебя настоящий мастер, он тебя уже не отпустит, не даст отойти от себя. Так что, входя в ближний бой, помни: выйти из него ты уже не сумеешь. Так что терпи и бей».

Урок этот в словесной форме был мне дан, когда мы ехали с занятия. Время было позднее, троллейбус – практически пустой, мы стояли на задней площадке, так что Минь мог говорить без помех, не стесняясь своего акцента.

Его слова «далеко и близко – это не просто расстояние» я запомнил прекрасно, тем более, что их практическое значение Минь показывал в конце каждой тренировки, которую завершал обязательным поединком. Он это называл «играть». Я это называл «избиением младенцев», но вслух не комментировал, чтобы он однажды не показал мне, что такое настоящее избиение.

Так что для меня переход с «Вы» на «ты» был аналогом смены длинной дистанции на короткую, и я никогда не торопился с этим (за последние лет десять на «ты» я перешел всего с одним человеком, которого уважал исключительно).

Много времени спустя я получил наглядную демонстрацию того, как лично для меня работает «переключатель Вы—ты». В то время я познакомился через Интернет с человеком, который меня серьезно удивил – у него были принципы! Не знаю, как это получилось (первых пару лет нашей переписки я даже его фотографии не видел), но я сразу «учуял», что мужчина он серьезный, думающий и идущий своим путем. По его письмам было видно, что он не только прочел книжек раз в сто больше меня (а я с детства любил читать, да и сейчас

люблю), но и сам прекрасно пишет. Переписка наша, разумеется, шла на «Вы». С полным, так сказать, взаимным уважением. Слово за слово, и мы начали работать на расстоянии (где мысль – там энергия, и не имеет значения, кто где находится), как Рэй-Ки это позволяет. И все шло как обычно (к тому моменту процесс дистанционной передачи Рэй-Ки давно был для меня делом совершенно обыденным), пока мы с подачи одной дамы (видимо, заметно умнее нас обоих) не перешли на «ты». В тот же вечер я выяснил («век живи – век учись»), что сосредоточиваться мне стало заметно легче. Может, даже и не легче (это и так не сложно: представил мысленно «адресата», которому посылаешь Рэй-Ки, – вот и все), но то, что я стал получать от этого больше удовольствия, – это точно. Все было понятно. Любая духовная или энергетическая практика требует работы ума, как бы «проходит через голову». Видимо, работать на «Вы» для моей головы было сложновато. Или, скорее, для нее это было что-то вроде сигнала «свой—чужой», который посылает самолет в ответ на запрос с радиолокационной станции. Если следовать этой аналогии, то обращение на «Вы» (чужой) автоматически настраивало меня на официальные отношения, а на «ты» (свой) – на дружеские. И получалось, что у меня на уровне «свой» энергетический сигнал проходит лучше. Разумеется, я понимал, что верно это только для меня. Но так как я совершенно не собирался никого наставлять «на путь истинный», то мне вполне было достаточно собственных наблюдений для собственного же использования.

Так что для меня все было наоборот: признаком уважения для меня было не «Вы», а «ты». Поэтому, когда меня начинали слишком уважительно именовать по имени-отчеству и на «Вы» (да еще подчеркивая голосом, что «Вы» это с заглавной буквы), я только мысленно улыбался и ждал, когда же станет понятна истинная цель демонстрации такого «уважения».

Понравился мне не только сам мастер, говорящий всем «Вы». Публика у него на занятии тоже подобралась очень нормальная: интеллигентные женщины, в основном среднего возраста. Обычно так и бывает: приличный мастер – приличная группа. Разумеется, верно было и обратное: приличная группа – приличный мастер. Это не могло не радовать: такая публика обучаться чему попало и у кого попало не будет. Так что можно было рассчитывать...

Само действие происходило в частной, очень ухоженной косметологической клинике, которая арендовала пару комнат на первом этаже общежития.

Устроено все было очень просто. Люди сходятся, лечат друг друга, или, как они говорили, «обмениваются Рэй-Ки». Варягов с улицы (вроде меня) тоже вполне приветствуют, даже «дают Рэй-Ки» бесплатно, в рекламных, так сказать, целях.

Если человеку понравится, он записывается на двухдневный семинар, где и получает посвящение соответствующей ступени. Всего в той системе Рэй-Ки, которую преподавал Игорь, было три ступени. Третья ступень была только у него, так что у остальных выбор был невелик: первая или вторая.

На мой немедленный вопрос: «А можно ли получить вторую ступень, минуя первую?», последовал столь же немедленный ответ Игоря: «Нет, нельзя».

Но публика меня сразу утешила, сообщив, что семинар проходит часто, как только наберется группа желающих. Группа же набиралась достаточно быстро, потому что мастеров Рэй-Ки в те времена было совсем немного, а Игорь к тому же пользовался у понимающих людей популярностью.

Чтобы я понял (точнее сказать, почувствовал), о чем идет речь, мне выделили девушку, которая должна была мне давать Рэй-Ки. Девушке, разумеется, это не понравилось, потому что посвященные обменивались энергией, а у меня посвящения не было и обмениваться я не мог, так что взять с меня было нечего. Однако она честно принялась накладывать на меня руки и старательно давать Рэй-Ки. Я не менее старательно пытался что-то почувствовать.

«Приняв сеанс» и поблагодарив девушку, я остался в полном недоумении. Может, там что-то и было, но я этого не почувствовал. Одно из двух: либо я дубина бесчувственная, либо это, как говорит один мой умный приятель, «полный фонарь».

Так что, уходя с круга Рэй-Ки (так называлось это сборище), я вспоминал процедуру лечения Буратино:

«Сова приложила ухо к груди Буратино.

– Пациент скорее мертв, чем жив, – прошептала она и отвернула голову назад на сто восемьдесят градусов.

Жаба долго мяла влажной лапой Буратино. Раздумывая, глядела выпученными глазами сразу в разные стороны. Прошлепала большим ртом:

– Пациент скорее жив, чем мертв...

Народный лекарь Богомол сухими, как травинки, руками начал дотрагиваться до Буратино.

– Одно из двух, – прошелестел он, – или пациент жив, или он умер. Если он жив – он останется жив или он не останется жив. Если он мертв – его можно оживить или нельзя оживить.

– Шшшшарлатанство, – сказала Сова, взмахнула мягкими крыльями и улетела на темный чердак.

У Жаб от злости вздулись все бородавки.

– Какакое отвратительное невежество! – квакнула она и, шлепая животом, запрыгала в сырой подвал.

Лекарь Богомол на всякий случай притворился высохшим сучком и вывалился за окошко».

Прощаясь, я вежливо всех поблагодарил, обещал подумать насчет посвящения и откланялся, склоняясь к мнению Совы о том, что «пациент скорее мертв, чем жив».

Однако ночью мне снова приснился сон. Все было практически такое же, только пришелец выглядел еще более суровым и явно недовольным: «Я же тебе ясно сказал: „не отказывайся“». Тут мне стало уже интересно: а можно ли в этом сне и мне поговорить, или сценарий таков, что я должен только слушать то, что изрекает совершенно незнакомый человек. Кстати, выглядел он как человек, привыкший к тому, что его слушают, не перебивая. Но если и во сне нет демократии, то полностью подтверждается моя теория о том, что ее нет, никогда не было и быть не может.

«А от чего я не должен отказываться? И кто ты, почему я должен тебя слушать?»

Последовала пауза. Незнакомец, не скрываясь (вообще, он вел себя на диво просто и естественно), думал. Видимо, решал, стоит ли отвечать. Казалось, что разговоры – это вообще не по его части. Гораздо больше он походил на человека действия.

«Как зовут – тебе не надо знать. Ты можешь называть меня Сэнсэй. Объяснять буду, но позже. А пока тебе лучше меня слушать. Завтра утром посмотришь на свое плечо».

С этими словами он положил ладонь мне на правое плечо. Волна приятного тепла разлилась по всему телу, ощущение было такое, как будто тело, если можно так сказать, наполнили счастьем.

Исчез он раньше, чем я успел спросить что-либо или хотя бы сказать «спасибо». После этого я провалился в сон, на этот раз уже без сновидений и уже до самого утра.

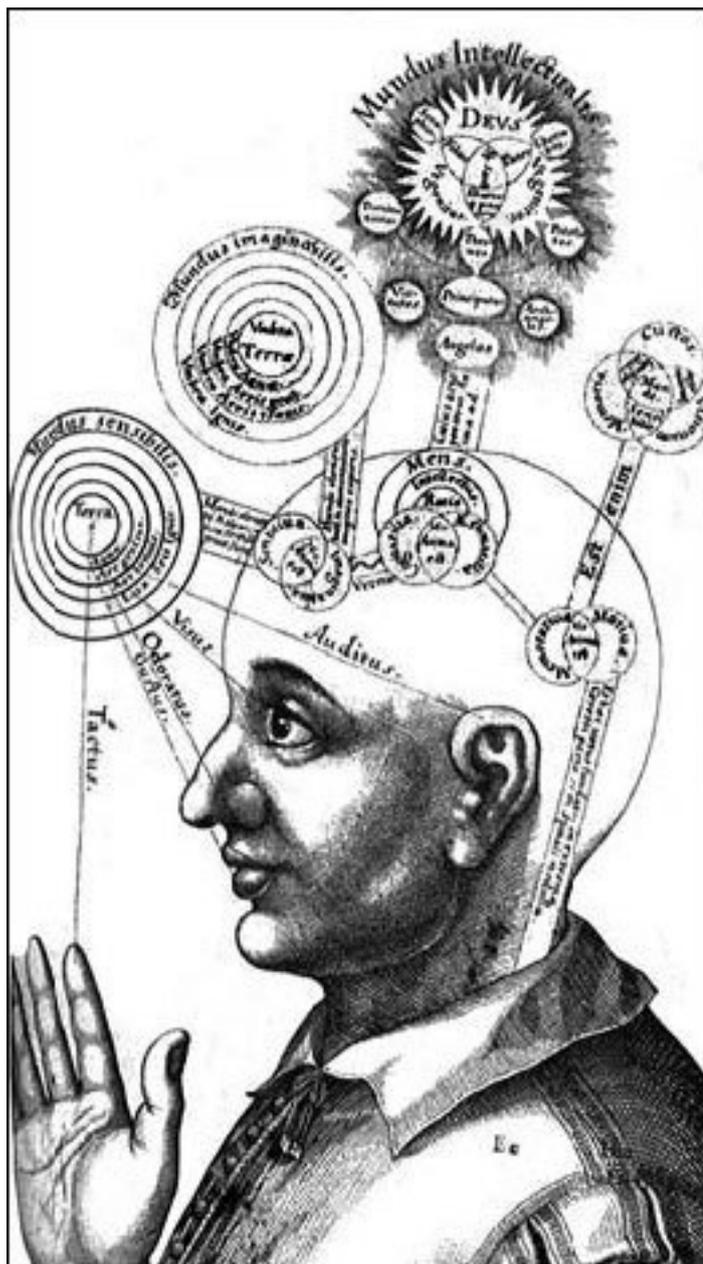
Первая моя утренняя мысль была о том, что с таким удовольствием я не просыпался уже много лет. Может, только в детстве. Было ощущение крепкого, живого тела. Наверное, так просыпаются дети и молодые, здоровые животные: ощущение беспричинного счастья, возникающее «из ничего».

Сон свой я помнил прекрасно и потому посмотрел на плечо почти рефлекторно. Ожога, разумеется, не было, но было явственное покраснение кожи, которое умные люди называют гиперемией. Только эта самая гиперемия имела совершенно четко очерченную форму ладони: отпечаток большого пальца на передней части плеча, и остальных четырех – на задней. Именно так Сэнсэй и ухватил меня своей железной лапой.

Про себя я с ухмылкой отметил, что с этого момента мне даже мысленно не захотелось назвать его «этим мужиком» или «персонажем». Видимо, одной демонстрации мне оказалось довольно. Это радовало: понял с первого раза. Думаю, это было правильно: Сэнсэй не походил на человека, готового повторять по несколько раз.

Итак, есть сон, после которого на физическом теле остаются следы, и есть некто, который приходит во сне, говорит мало, но ведет себя совершенно вменяемо. Мало того, он знает, что произойдет со мной в ближайшее время (по крайней мере, некоторые события), и может воздействовать во сне как на мой ум, так и на физическое тело.

Ни того ни другого я понять не мог. Как работает ум, понять было невозможно. Так что я и не пытался. Была, правда, у меня любимая картинка, на которой умный человек (еще в XVII веке!) пытался изобразить «части ума». Не думаю, что это имело хоть что-то общее с тем, что происходит в голове на самом деле, но картинка мне нравилась.



Человек и макрокосм. Гравюра из книги Fludd R. «Utriusque cosmi maioris scilicet et minoris Metaphysica, physica atque technica Historia», 1617

Имелось у меня как минимум два выхода: согласиться с тем, что я видел, слышал, чувствовал, или признать себя сумасшедшим. В том, что я был абсолютно здоров, у меня никогда сомнений не возникало (хотя говорят, что ни один умалишенный не осознает свое истинное состояние). Поэтому я решил признать существование Сэнсэя и возможность следующих его появлений. Если два раза приходил, вполне может явиться и в третий, а там, как считали древние люди: «Раз, два, три, много». Главное было пока никому, вообще никому, не говорить об этом, а там как получится.

Одно было совершенно очевидно: если он есть, то ничего плохого его визиты не несут. Так что я решил прислушаться к его совету: позвонил мастеру Рэй-Ки (звали его Игорь) и записался в группу. Почему-то я не удивился, когда он сказал, что группа уже набрана (я последний) и ближайшее посвящение послезавтра, в субботу, в десять утра.

Первая ступень. Вход в систему

На семинаре под названием «Как сохранить хорошие отношения с мужем» женщин попросили отправить мужу sms-ку: «Я люблю тебя, дорогой».

Ответы были следующими:

- Кто это?
- Ты больна?
- Ты опять разбила автомобиль?
- Просто скажи мне, сколько тебе нужно.
- Мне это снится?

Сутки первые

В субботу к десяти часам «как штык» я был на месте. Процедура посвящения была обставлена достаточно торжественно. На полочке – фотография отца-основателя (имени его я тогда не знал, но обещали, что мастер все обо всем расскажет), на которой изображен немолодой импозантный мужчина в очках. Рядом с портретом – букет цветов и несколько горящих благовонных палочек. В общем, несколько походило на алтарь в традиционной азиатской школе.

Всех (народу было немного, человек, наверное, пять-шесть) собрали в одной комнате и объявили, что сначала мастер изложит общую (для себя я назвал ее «разговорная») часть: историю, принципы и т. п. Потом каждого из нас он будет по одному приглашать в другую комнату и там давать то, зачем все пришли, – первую ступень Рэй-Ки.

Это, как я понял, и будет тот самый таинственный (как же без этого-то) ритуал, во время которого даже сидеть полагалось, закрыв глаза (о чем предупредили особо). В общем, заходить по одному и, чур, не подглядывать.

Сначала Игорь рассказал, что название «Рэй-Ки» состоит из иероглифов «Рэй» и «Ки». Что «Ки» в японском языке служит для обозначения всех видов жизненной энергии, я знал и раньше. Еще бы – столько лет «вгрохать» в занятия Каратэ, где без энергии высший уровень считается недостижимым. А что такое «Рэй», я не знал. Оказалось, «универсальный, Вселенский, высший». В общем, «Рэй-Ки» означало что-то вроде высшей Вселенской энергии, присутствующей повсюду.

Ну, с иероглифами было более или менее понятно, иероглифы мне всегда нравились. Я в свое время даже («у губернатора, который, ...впрочем, был большой добряк и даже сам вышивал иногда по тюлю») вышивал себе золотыми нитками кимоно и пояс для Каратэ. Теперь понимаю, что было это молодежное пижонство и глупость несусветная, которую из меня потом настоящий вьетнамский мастер выбил сразу. Сделал он это просто: вначале теоретическая, так сказать, часть, которую он ухитрился втиснуть в одну фразу: «Тебе должно быть все равно, в чем драться: в расшитом кимоно и босиком, в ватнике и тяжелых сапогах, в плавках (слово „плавки“ он не знал и говорил „трусики“) или вообще голым». Практическая часть была значительно менее приятной, но очень доходчивой. Он приходил на занятия и бил меня прямо в чем пришел, переодевался и бил меня в кимоно, он бил меня трезвый и бил меня пьяный, он делал это, будучи в хорошем настроении и уставшим после физической работы. Иногда зимой он приходил простуженным (так и не смог привыкнуть к нашим морозам) и бил меня, не переставая кашлять.

Через месяц таких занятий я запрятал свое расшитое золотом кимоно и вообще забыл о нем. Спустя много лет, убирая в квартире, я нашел его. Оно было такое старое, жалкое и вытертое, что через минуту полетело в мусор.

Хотя свою роль эта вышитая тряпка в свое время сыграла. Она заставляла постоянно поддерживать себя в форме, потому что получать по роже в таком расшитом кимоно было просто неприлично.

После иероглифов и расшифровки названия последовала история Рэй-Ки, уже не как энергии, а как системы. Вот тут «паруса моего понимания» повисли сразу. Разумеется, специалистом по истории Японии я не был, но «Сказание о христианском монахе по имени Микао Усуи» вызывало большие сомнения.

Я знал, что христиане в Японии есть, что институт христианства существует в этой стране с середины XVI века, с момента приезда в страну иезуита Франциска Ксаверия, который в 1549 году основал небольшую римско-католическую общину на юге Японии, в городе Кагосима.

Однако знал я также, что уже в конце XVI века началось изгнание миссионеров и притеснение верующих, которых, следуя доброй римской традиции, стали распинать на крестах.

В 1637 году Япония разорвала отношения с европейскими странами, а запрет на христианство в Японии действовал весь период изоляции страны, т. е. более двух с половиной веков. Этого времени было более чем достаточно, чтобы насильственно обратить христиан в буддизм. Несогласных попросту казнили – средневековые японские нравы никак не отличались милосердием.

Только в 1873 году, под давлением с Запада, японские власти сняли запрет на христианство, позволив свободно проповедовать и исповедовать его. Так что путь христианства в Японии не был легким, и если христиане там были, то их не могло быть много. То есть Микао Усуи, разумеется, мог быть и христианином, но вероятность этого в стране, где христиан не более 1 %, была невелика.

Свои соображения я держал при себе, тем более, что никогда не забывал историю, действительно имевшую место, которую мне рассказывала моя мама:

Идет лекция в мединституте. Встает студентка, задает вопрос:

– Скажите, профессор, а может быть...

Профессор (видимо, с блестящей реакцией) перебивает ее, не давая договорить:

– Быть может все! А теперь давайте ваш вопрос.

Так что я с детства помнил: «Быть может все». Да и не имело значения, кем был отец-основатель – христианином или буддистом. Важно было другое: если ложь есть в одном месте, она вполне может быть и в других местах.

В общем, рассказанная Игорем история звучала примерно так: «Микао Усуи преподавал в христианской школе. Однажды ученики попросили его продемонстрировать метод лечения, с помощью которого исцелял Иисус Христос. В процессе поисков ответа на этот вопрос доктор (кстати, тоже совершенно западное „титулование“, явно добавленное исключительно для солидности) Усуи обнаружил в древних санскритских текстах несколько символов, которые заинтересовали его. Далее он отправился к священной горе Кураяма, чтобы в течение трех недель голодать и медитировать, надеясь таким образом восстановить контакт с этими символами.

В последний (ну точно как в кино, где главный герой спасает мир в самую последнюю секунду), 21-й день, Усуи увидел свет, нисходящий на него с неба и пронизывающий его насквозь. В этом свете перед ним проплывали радужные пузырьки с символами Рэй-Ки. Когда Усуи пришел в себя и спустился с горы, он обнаружил, что может излечивать людей наложением рук».

Никто не спорит, красивая история. Особенно мне понравились ученики, которые не стесняются задавать совершенно нетактичные вопросы и требовать показать им (не более и не менее!), как Христос лечил наложением рук. То ли они неопишуемые наглецы и хамы, то ли полные идиоты, то ли думают, что их учитель – фигура такого же уровня, как Христос, то ли хотят унижить своего наставника, который никак не может этого уметь. Вообще, за такие нетактичные вопросы в лоб в азиатских школах выгоняют, не разговаривая, потому что взрослый ученик не может не понимать, что если учитель не сможет показать, как лечил Христос (а он точно не сумеет этого сделать), то он потеряет лицо в присутствии всего класса.

Очень мне это напомнило наши школьные уроки физики. Был у нас ученик с совершенно нестандартным мышлением. Сейчас я думаю, что, скорее всего, он был гением. На уроке, когда нам объясняли действие электрического тока, он невинным голосом спрашивал у учителя:

– Иван Иванович, а почему лампочка горит?

Тот, обрадованный, что ему удалось заинтересовать такого нестандартного ученика, который давно прочел все учебники на два класса вперед (да еще и кучу специальной литературы), начинал подробно рассказывать:

– Разность потенциалов приводит в движение электроны, которые соударяются с молекулами вольфрама, из которого состоит спираль лампы. Спираль лампы раскаляется, и лампа начинает светиться. Понимаете, дети?

– Конечно, Иван Иванович, понимаем, – ласково отвечал малолетний гений. – А почему лампочка горит?

– Ну я же вам уже рассказывал: электроны приходят в движение...

Гений (очень вежливо) перебивает его:

– Иван Иванович, про электроны и про раскаляющиеся молекулы вольфрама я уже все знаю. Вы, пожалуйста, объясните, почему лампочка горит.

После чего несчастный учитель вылетал из класса и возвращался с директрисой, а гений (снова очень вежливо) говорил:

– Да не хотел я ничего такого. Просто мне было интересно, почему лампочка горит.

Директриса, довольная, что ей так просто удалось разрешить конфликт (вот оно, истинное мастерство педагога), вздыхала с облегчением и говорила:

– Иван Иванович, ну объясните ребятам, отчего лампочка горит. И я послушаю, мне тоже интересно, я ведь филолог, а не физик.

И она усаживалась на первую парту, демонстрируя единство с народом. А несчастный Иван Иванович объяснял все вновь, и история повторялась, только на этот раз он терял лицо уже в присутствии директрисы.

Я не мог представить, что подобные вопросы позволялись в японской школе начала XX века, – это разрушало все мои представления об азиатской системе воспитания. Да и вообще, после просьбы показать, как Христос лечил наложением рук, вполне могла последовать просьба продемонстрировать, как он накормил пятью буханками хлеба тысячу человек. Хотя для изощренного ума современного западного человека здесь нет никакой сложности: или буханки были полутонные, или порции по полграмма.

Все эти явные несоответствия я решил списать на «экспортный вариант» системы. Понятно было, что в Соединенных Штатах (которые стали первой западной страной, куда попало Рэй-Ки) японцев после Перл-Харбор не очень жаловали. Поэтому если система была японской, то нужно было, по возможности, придать ей христианский колорит.

Кстати, подобная «подгонка» под параметры страны, куда поставлялся товар, не была чем-то необычным. Например, когда советские «Жигули» стали продавать на запад, их очень плохо покупали, несмотря на весьма скромную цену. Дело оказалось в том, что название «Жигули» ассоциировалось со словом «жиголо», означающем на испанском языке «наемный танцор», «альфонс», «мужчина, находящийся на содержании у дамы». Разумеется, никто не хотел ездить на машине с названием, которое переводилось примерно как «мужчина-проститутка». В итоге уже в 1975 году все экспортные ВАЗы были переименованы в «Lada». Кстати, с этим названием тоже просчитались: во Франции «Lada» стала синонимом слова «ladre», что означает «скупой, жадный».

Тут я решил приостановить логический анализ, потому что далее следовал рассказ о внутреннем голосе, который посоветовал тяжело больной Хавайо Такате отказаться от операции и отправиться искать исцеления в Японии, и о том, как после лечения в клинике Чуджиро Хайаши она чудесным образом выздоровела.

Вся эта «история системы» была примерно такой, как в синенькой книжечке, которую я несколько лет назад, еще в Крыму, внимательно прочитал. Тогда я почти сразу забыл ее содержание, а теперь неожиданно вспомнил.

В общем, получалась обычная сказка, в которую нужно либо верить, либо нет, а задавать вопросы и анализировать ее совершенно бессмысленно. Поэтому я решил сделать вид, что поверил, и расслабиться: сказка была красивая, вполне можно было и послушать.

К моей радости, сказка уже закончилась и началась практическая часть. Перед тем как приступить к «раздаче слонов» (извините, процедуре посвящения), Игорь сказал, что на круге Рэй-Ки (то есть на нашем сегодняшнем собрании) каждый должен вслух высказать просьбу о посвящении, «выдаче» ему первой ступени Рэй-Ки. Причем не как попало, а почти как в небезызвестной формуле: «Я такой-то и такой-то, находясь в здравом уме и твердой памяти...». Ну, может, и без «в здравом уме и твердой памяти», но все требовалось сделать очень формально: громко, четко и при свидетелях. Разумеется, я сделал все, как он просил, но смешно было сильно.

Когда я сам начал обучать людей, я понял, что все он делал правильно (он вообще учил правильно). Дело было в том, что на самом деле большинство людей не знают, чего они хотят, насколько сильно они этого хотят и хотят ли они этого вообще. Эту истину я открыл для себя много лет назад, когда пытался поменять квартиру. Звонило достаточно много людей, некоторые даже приходили смотреть квартиру и обговаривать условия. Когда же доходило до дела, выяснялось, что человек не знает, хочет ли он совершать обмен, а смотрит просто так, на всякий случай. Для некоторых, как мне показалось, это было еще и развлечением. Так сказать, общение с другими людьми.

Поэтому просьба об инициации, высказанная вслух, заставляла человека огласить свою готовность принять посвящение и нести за это ответственность.

Еще Игорь предупредил, что во время посвящения он будет дуть на нас (не страшно, лишь бы не плевал) и хлопать по ладоням (тоже не страшно, лишь бы не по морде).

– Пугаться не надо, – сказал он, – просто посвящение передается именно таким способом.

Потом он ушел в другую комнату, забрав с собой первого желающего. Точнее будет сказать, первую желающую. Кстати, кроме меня, ни одного существа мужского пола среди страждущих обрести первую ступень Рэй-Ки не было.

Я, как всегда, не торопился. Пусть дамы заходят, а мне спешить нечего: за все заплачено, всем хватит.

Дамы и заходили по одной. Выходили минут через десять с каким-то блаженно-расслабленным выражением лица, рассаживались (теперь уже безо всякой суеты) – и все молчали. Представить себе несколько одновременно и добровольно молчащих женщин, конечно, можно, но лично я при таком событии присутствовал впервые.

Дошла очередь и до меня. В центре комнаты, где происходил ритуал, стоял стул, на который Игорь молча указал мне. Так же молча я уселся на него. Чего болтать: человек честно и явно старательно делает свою работу. Вообще, этот парень мне нравился (не нравился бы – видел бы он меня тут!), но его манера совершенно не располагала к проявлениям излишней фамильярности. Вел он себя исключительно любезно, но в лишние разговоры не вовлекался. Я, впрочем, и не пробовал (сам такой), но дамы, которым он явно нравился, пытались. Без успеха, однако.

Оказавшись на стуле, я честно закрыл глаза. Разумеется, было любопытно (я вообще любопытное существо), что он там делает, но подглядывать совершенно не хотелось. Так что я расслабился и старался почувствовать то нечто, из-за которого все выходило из этой комнаты с таким счастливым видом.

Вначале ничего не происходило. Игорь ходил вокруг меня, махал руками (я чувствовал легкое дуновение воздуха), действительно хлопал меня по ладоням и даже зачем-то дул.

Наверное, даже хорошо, что я этого не видел. Думаю, зрелище было забавное: один дурак сидит на стуле, а второй на него дует. Прямо как в детском стишке Маршака:

*«Где это
Видано?
Где это
Слыхано? —
Старый
Осел
Молодого
Везет!»*

Разумеется, ничего такого особенного я не почувствовал, просто в какой-то момент на душе стало хорошо, очень хорошо. Сразу до меня дошло, отчего у всех леди, прошедших «процедуру» до меня, было такое выражение лица. Боюсь, у меня было примерно такое же. Говорить тоже не хотелось. Ничего особенного не случилось, просто снизошло некое блаженство, в котором хотелось пребывать как можно дольше.

Когда посвящение закончилось, я кое-как пробормотал заплетающимся языком «спасибо» и поплелся в другую комнату искать, где бы снова присесть. Мое появление в таком явственно «размазанном» состоянии было встречено понимающими взглядами.

Перед тем как плюхнуться на ближайшее свободное место, я успел заметить, что у тех, кто попал на «горячий стул» первыми, «приход» уже заканчивался. Они подсели поближе друг к другу и приступили к важнейшему женскому занятию – обмену впечатлениями. Пока, правда, тихо.

Но кое-что уже было слышно.

– Ой, девочки, какой кайф.

– Ах, какой Игорь молодец!

– А я так и не поняла, что он там руками размахивал.

– А ты что почувствовала?

– А ты, Володя, ты же у нас совсем новый?

Насчет кайфа я был сразу согласен, но это «А ты что почувствовала?» очень напоминало фрагмент из книги Генри Лайона Олди «Сеть для миродержцев», где описывается обмен мнениями маленьких царевича и брахмана по поводу медитации:

«Царевич сумел просидеть в медитации дольше маленького брахмана.

Друпада был очень горд собой.

– У тебя лотос из пупка выросал? – деловито осведомился он у Дроны, вышагивая рядом походкой деревянной куклы – после долгого сидения ноги плохо слушались.

– Выростал, – степенно, как взрослый, кивнул сын Жаворонка.

– А бог Вишну из него выходил?

– Выходил.

Царевич заметно погрузтел, но все же с тайной надеждой поинтересовался:

– И в раковину дудел?

– Дудел, – с обычной невозмутимостью подтвердил Дрона. – Два раза.

Как он продудел, так я и вернулся».

Игорь, явно не новичок в таких делах, видимо, знал, в каком состоянии будет публика после посвящения и объявил перерыв. «Допустим, если сейчас он „запустил машину“, то после перерыва должна последовать инструкция по эксплуатации», – подумал я.

Перерыв, однако, не затянулся, у Игоря явно давно было все отмерено, и он действительно приступил к изложению правил работы системы.

Сначала он рассказал нам о так называемом очистительном цикле, который может длиться до 21 дня. Суть этого явления заключалась в том, что при посвящении в человеке запускается очень мощный поток энергии (вот он и иероглиф «Ки»). Непривычное к такому большому количеству энергии тело начинает освобождаться от токсинов, что может выражаться в поносе, потемнении мочи и тому подобных явлениях, способствующих выводу всякой дряни из организма. Так что по этому поводу не следует беспокоиться, а лучше в течение этого периода делать самому себе ежедневные сеансы Рэй-Ки.

На этом месте его прервала одна из дам, которая после обмена мнениями с «коллегами по Рэй-Ки-цеху» решила, что она «чувствует энергию хуже, чем другие».

Тут выяснилось, что по этому поводу тоже не следует беспокоиться: иногда после посвящения ощущения полностью отсутствуют, появляются же они, только когда тело свыкнется со своим новым (более «энергетическим») состоянием. Бывает и наоборот: по мере привыкания уровень ощущений постепенно снижается. Примерно как с обувью: разносив новые башмаки, человек перестает их ощущать.

«Вообще ни о чем волноваться вам нет нужды, – говорил Игорь. – В Рэй-Ки нет учителя, учит сама энергия, сама система, так что в любом случае рано или поздно вас научат, вы только продолжайте практиковать».

Система начинала мне явно нравиться: чтобы ни случилось, беспокоиться не надо. Вообще, такую методику хорошо преподавать: что бы ученик ни спросил, нужно отвечать: «Беспокоиться не нужно. Так *тоже* может быть».

Еще выяснилась важная вещь: Рэй-Ки оказывает целостное воздействие на всю жизнь человека. Так что могут произойти изменения в работе, отношениях с людьми, понимании базовых принципов своей жизни. Все эти явления (исчезновение старых и возникновение новых возможностей, расставание с одними людьми и появление других, смену работы, друзей, знакомых) следует принимать спокойно и с благодарностью, как совершенно естественный процесс.

На этом первый день семинара закончился. Выйдя на улицу, я ахнул: конец ноября, а на улице светит солнце, как в конце апреля. До сих пор помню, как шел по улице в расстегнутом плаще (и все равно было жарко) с ощущением любви ко всему вокруг.

Пока я шел, мне в голову пришла неожиданная ассоциация: «Каморка папы Карло под лестницей, где даже очаг и тот нарисован на куске старого холста. Простодушный Буратино, рассказавший Карабасу про этот очаг. Старая черепаха Тортила, подарившая Буратино золотой ключик, который должен открыть какую-то дверцу, и это принесёт счастье. Буратино, подслушавший разговор Карабаса с Дуремаром и узнавший великую тайну: золотой ключик открывает дверцу, спрятанную за нарисованным очагом в каморке папы Карло. Изумительной красоты театр, оказавшийся за нарисованным очагом. Театр без режиссёра с плёткой-семихвосткой, театр, в котором марионетки становятся настоящими актёрами. Все куклы от Карабаса перебегают в театр Буратино, где весело играет музыка, а голодных артистов ждёт за кулисами горячая баранья похлёбка с чесноком».

Ну, в общем, понятно, о чем идет речь. Глупый Буратино – это я. Мудрая черепаха Тортила, подарившая Буратино золотой ключик, – это Игорь, сделавший мне посвящение (открывший дверь за нарисованным очагом). А волшебный театр, в котором весело играет музыка и оживают марионетки, где для всех всегда готова горячая баранья похлёбка с чесноком, – это пространство Рэй-Ки. Правда, «горячая баранья похлёбка с чесноком» скорее духовно-энергетическая, но, может, оно и к лучшему.

Разумеется, уверенности у меня не было, но мне почему-то казалось, что Сэнсэй явится сегодня ночью. А может, мне просто этого хотелось: уж очень любопытной была и ситуация, и персонаж.

Сон, как и раньше, ничем сон не напоминал (разве что я точно знал, что это сон). Было похоже, что на этот раз Сэнсэй принимал меня у себя дома. Я вежливо (как когда-то учили в Каратэ) поклонился и, понимая всю степень своего невежества (но удержаться не было сил), стал озираться по сторонам. О традиционной японской архитектуре я знал мало. Немного нам рассказывали в институте, кое-что я взял почитать у дяди, у которого был отдельный шкаф книг о строительстве, причем примерно половину его занимали книги об архитектуре. Все японское было мне интересно по вполне понятной причине: в те времена я очень много занимался Каратэ, и все японское было мне не чуждо.

Еще одним источником сведений о японском жилище был фильм «Копьеносец Гондза», сделанный как экранизация пьесы Тикамацу Мондзаэмона, по прозвищу «японский Шекспир».

Разумеется, и шекспировские страсти, и копьеносец Гонза там *тоже* были, но не они казались главными. Главными «героями» были японский дом, японский сад, японские обычаи. Даже предметы обихода были важными персонажами. Может, я и ошибаюсь (много лет прошло), но предметы для чайной церемонии показывали чуть ли не половину фильма. Первое, о чем я подумал, выйдя из кинотеатра: «Как же они любят свою страну и как стараются сохранить традиции».

Но «в связи с полным переездом из страны Каратэ в страну У-Шу» все это постепенно потеряло для меня интерес. А сейчас вдруг все неожиданно вернулось.

Увидев жилище Сэнсэя, я понял, почему традиционный японский дом в современной западной архитектуре считается воплощением идеальной связи природы и архитектуры. Все было очень просто: легкое каркасное строение всего из двух материалов – дерева и бумаги. Торцовые стены сделаны неподвижными, остальные состоят из раздвижных рам (кажется, они называются «сёдзи»), оклеенных полупрозрачной бумагой. Внутреннее пространство делится на несколько частей деревянными рамами с разрисованными картонными вставками. Рамы эти скорее похожи на передвижные ширмы, меняя положение которых (или вовсе убирая их), человек в одиночку может с легкостью изменить планировку жилища за несколько минут.

Если честно, то, с одной стороны, это казалось потрясающе стильным, а с другой – напоминало соломенное жилище самого ленивого из трех поросят. В общем, было понятно, что понятие «мой дом – моя крепость» к этому случаю применено быть не может. Ну, разве что в его первоначальном, «законодательном», смысле, в котором его использовал (еще в XVII в.!) английский юрист Эдуард Кок в своих комментариях к британскому законодательству. В этом смысле «My house is my castle» означает, что дом – это то место на земле, где можно и должно чувствовать себя в полной безопасности.

Так, похоже, и было. Все вокруг дышало тишиной и спокойствием. До меня вдруг дошло, что я *ничего* не слышу. Совсем ничего, даже тиканья часов. Казалось, что не только в доме, кроме хозяина, никого не было – не было никого и на большом расстоянии вокруг.

Хозяин сидел спокойно (даже дыхания слышно не было), так что я позволил себе продолжить осмотр.

Пол «поросычьего соломенного домика» тоже, разумеется, был выстлан соломой. Конечно, солома не была просто набросана на пол, как в хлеву. Она была сплетена в маты – татами. В свое время, когда меня учили раскладывать такие «коврики» перед занятиями, кто-то мне рассказал, что на японском языке слово «татами» означает «складывание» или «то, что складывается». Еще говорили, что согласно традиционным правилам располагать татами на полу следует так, чтобы не было мест, в которых сходятся углы трёх или четырёх

татами, ибо неправильное расположение приносит в дом несчастье. Тут я был сразу и полностью согласен: именно так (внахлест) располагают кирпичи в стене – там тоже никогда не увидеть места стыка более чем двух кирпичей. Несоблюдение этого правила действительно ведет к несчастью – неправильно сложенная стена может рухнуть.

Татами были правильные: сплетенные из гладенькой травы ингуса, а внутри наверняка была рисовая солома. На такой подстилке даже нога стояла иначе, так что я сразу понял, что это не синтетическое дерьмо, на котором тренируются современные борцы. И тут до меня внезапно дошло, что я успел снять обувь.

Забавно, как же это было в меня вколочено, если, прозанимавшись уже лет двадцать в обуви, я все равно перед тем, как ступить на татами (да еще вроде бы во сне), ухитрился разуться.

Когда на меня нападает настоящий хохот, я часто не могу остановиться. Это наследственное – от мамы. Глядя на строгие ряды татами, я вдруг вспомнил, что в Японии площадь комнаты традиционно измеряется в татами. Но не только комнат – много чего еще. Например, площадь мошонки правильного барсука-оборотня Тануки должна быть строго равна 8 татами. Тут я начал считать. Считать сквозь такой хохот было непросто. Размеры татами 90×180 см. Таким образом, площадь татами – 1,62 м. Площадь мошонки Тануки получалась примерно метров тринадцать квадратных.

Сэнсэй сидел, как камень: может, он даже не слышал моего хохота, а может, решил дать иноземному варвару отсмеяться вволю. Мне стало неудобно, я решил заткнуться и продолжить осмотр, пока была возможность.

Мебели в доме практически не было, видимо, почти все хранилось в шкафах, а спальный матрас или низкий обеденный столик вносили в комнату при необходимости, а потом убирали. В общем, ничего постоянного: стены из бумаги, а ковры из соломы. Понятный символизм: в мире нет ничего постоянного и ни к чему не нужно привязываться.

И наконец, среди всей этой тонкой, прозрачной бумажной-соломенной эфемерности в специальной нише висела настоящая, тяжелая, очень материальная вещь – длинный самурайский меч в явно дорогих ножнах, покрытых черным лаком. Рукоять была обтянута шероховатой кожей – насколько я понимал (а понимал я немного), это должна была быть кожа ската. Поверх кожи была намотана черная, явно в тон ножнам, лента из плотного шелка. Просто, со вкусом и из руки точно не выскользнет. Гарда представляла собой гравированную металлическую пластину, на которой с большим искусством были изображены цветы. Работа была такого качества, что я даже сумел «опознать» их. Это были хризантемы.

Странно было видеть в таком скромном доме такой «нескромный» предмет. Интересно, кстати, куда Сэнсэй прятал клинок, когда уходил из дома. Дверей нет, запоров нет, «приходи, кто хочешь – бери, что вздумается».

– Здесь никто никогда ничего не возьмет, особенно вещь, подобную этой, – заговорил наконец Сэнсэй. – Здесь мало людей, все всех знают, все знают меня, знают этот меч (интересно, почему меня не удивило, что он говорит о мече как о своем друге или родственнике, причем старшем). Всем известно, что это мой фамильный меч, который все равно вернется ко мне. Его уже пытались уносить. И не раз.

– И что?

– Сам видишь, он снова висит на стене.

– Что, сам пришел обратно?

– Ну, не совсем сам и не всегда сразу. Но возвращался всегда. Ладно, можешь его погладить, если интересно.

– А разве можно?

– Почему нет? – равнодушно ответил он и отвернулся.

По поводу «почему нет» я знал японскую притчу. Была она красивой и достаточно длинной, но суть ее сводилась к следующему:

«Однажды, когда мастер чайной церемонии шел по улице с подносом, уставленным чашками и баночками с чаем, на него случайно налетел подвыпивший самурай. Поднос упал, чашки разбились, а порошок чайного листа просыпался на рукав самурая.

Пытаясь счистить порошок с кимоно самурая, мастер случайно задел рукоять его меча.

– Ты коснулся моего меча! – возмутился самурай. – Удар по лицу, и тот был бы меньшим оскорблением. Я вызываю тебя на поединок.

В результате этих событий мастер опоздал к своему ученику, и тот спросил, где мастер задержался. Узнав о том, с кем мастеру предстоит драться, он сказал:

– Можешь считать себя покойником. Твой противник сильный боец и не прощает оскорблений.

Вечером чайный мастер зашел в гости к своему другу – кузнецу, ковавшему мечи, рассказал ему историю с самураем и попросил продать меч.

– Если ты действительно собрался умирать, – сказал ему кузнец, – то зачем же тебе умирать как новичку, впервые взявшему в руки меч? Лучше умри тем, кто ты есть, – мастером чайной церемонии.

Послушав мудрый совет кузнеца, мастер оправился к дому самурая и пригласил того зайти перед поединком на чайную церемонию.

Готовясь к последней в своей жизни церемонии, мастер подмел дорожки в саду и подстриг кусты около чайного домика. Подготовил приборы и расставил цветы. Надел свое лучшее кимоно, перед тем его тщательно почистив.

Едва зайдя в сад, самурай спросил:

– Хочешь предложить выкуп, чтобы я отказался от поединка?

– Нет, – ответил чайный мастер. – Я понимаю, что вы должны получить удовлетворение. Но я прошу вас позволить и мне в последний раз получить удовлетворение от своей работы.

Самурай не понимал, к чему все это, но возражать не стал. Внутри маленького чайного домика было уютно и спокойно, пахло цветами и чаем. Снаружи, из сада, доносился шелест листьев и журчание ручья.

Сам мастер был исполнен спокойствия и достоинства. Движения его были плавными и уверенными. Несмотря на то, что ему вскоре предстоял поединок, в котором он неминуемо должен был погибнуть, он сохранял полное спокойствие и непоколебимую сосредоточенность.

Самурай смотрел на церемонию, как зачарованный.

– Благодарю вас, – произнес чайный мастер, завершив церемонию. – Теперь я готов к поединку...

– Но теперь я не готов, – неожиданно сказал самурай. – Я никогда не видел такой твердости духа перед схваткой. Я всю жизнь провел в боях, но даже я сегодня нервничал, хотя был уверен в своей победе. Вы же не только сохранили полное спокойствие, но смогли передать его мне. Понимаю, что я недостоин, но прошу вас быть моим учителем. Я хочу научиться искусству чайной церемонии, чтобы обрести уверенность и спокойствие, которых мне так не хватает».

Сказка эта, хотя и заканчивалась хорошо, тем не менее содержала прозрачный намек: «Даже случайно не нужно без спросу хвататься за чужие вещи». Тем более, за такие, как фамильный японский (хотя кто мне сказал, что это Япония: возможно, это мне просто кажется, я же сплю) меч. Ведь их национальная склонность к мечам – вещь достаточно известная даже в России. Например, мне раньше казалось, что всем знакомое восклицание «Японский городской!» – это не более, чем эвфемизм, никакого отношения ни к Японии, ни к ее полиции не имеющий. Просто удачное сочетание звуков: когда человек протяжно произносит первый звук, то кажется, что он вот-вот матерно выругается.

Однако недавно я узнал, что (может, и это легенда) такое восклицание связано с пребыванием цесаревича Николая (в будущем – царя Николая II) в Японии в апреле 1891 года. Когда наследник российского престола и его дружки своим неумеренным весельем нарушили правила поведения в городке Оцу, местный полицейский (находясь в своем полном праве) без долгих разговоров ударил цесаревича мечом по голове. К счастью, меч был в ножнах, так что цесаревич отделался лёгким испугом. Но с тех пор склонность японцев к ношению и применению меча стала в России хорошо известна.

Кстати, рассматривать меч мне уже не очень-то хотелось. Гораздо более интересно было выглянуть во двор. Снаружи дома шла неширокая галерея, с которой открывался вид на самый настоящий сад камней, представлявший собой ровную площадку, засыпанную мелкой галькой, поверх которой хаотично были набросаны крупные неотесанные камни.

Хаотичность, как я знал, была кажущейся, сродни беспорядочности хорошо продуманной женской прически, создание которой требует не одного часа работы умелого парикмахера. Так что «бардак» этот был очень хорошо продуман и организован. Конечно, я читал про сад храма Рёан-Дзи, созданный в XVI веке. Сад этот состоит из пятнадцати камней, из которых один остается всегда спрятан от наблюдателя за другими камнями. Иногда, правда, возникает впечатление, что видны все 15 камней, так как отдельные камни (из-за своей неправильной формы) воспринимаются как два. Считается, что увидеть сразу все 15 камней может только «просветленный». Нормальный же человек может наблюдать все камни одновременно, только посмотрев на сад сверху (заказал вертолет – и не надо никакого просветления).

Неожиданно Сэнсэй оказался рядом со мной. То ли я так увлекся созерцанием, то ли он так мягко двигался. Хотя второе вряд ли: был он немолод и грузен. А может и не «вряд ли»: дышал он совершенно бесшумно.

– Конечно, это красиво. Но все мертвое. Раньше у моих предков здесь был сад цветов. Вот это было красиво. Думаю, ты такого никогда не видел. А я еще успел застать – в детстве. Потом семья обеднела, а сад цветов требует большого ухода и очень умелого садовника. Так что теперь вместо цветов – камни. Но зато все это я полностью спланировал и построил сам.

Вдруг он резко, без перехода, перешел к делу:

– Ну, и как тебе Рэй-Ки?

– А вот я тебе и ответил, – подумал я, вспоминая замшелый одесский анекдот:

– Скажите, а правда ли, что в Одессе отвечают вопросом на вопрос?

– А вы что, приезжий? А кто вам такое сказал? И неужели вы этому поверили?

Так что, недолго думая, я решил последовать классическому примеру и ответить на вопрос вопросом. Причем не одним, а (чего уж тут стесняться, сон ведь) сразу тремя:

– А что, к каждому, кого посвящают в первую ступень Рэй-Ки, кто-то приходит? И всегда ли это Вы? И если не к каждому, то почему ко мне?

Мужик явно был хорош, такого не переговоришь, потому что он совершенно не торопился говорить. Может, он читал Моэма, который говорил: «Чем больше актер, тем больше пауза». Хотя вряд ли – думаю, у него за спиной стояла многовековая традиция молчания.

Учителя-японца у меня не было, но был лаосский мастер, который обучался у двух японских мастеров (пятый дан каждый, причем ни один из них не знал о существовании другого, пока их ученики очень серьезно не подрались «стенка на стенку»).

Так вот, этот лаосец (сам он, кстати, был совсем не дурак поговорить) рассказывал нам, что так называемое Тиммоку (молчание) считается в Японии высоким искусством, чем-то вроде отдельного языка, скрытый смысл которого «не японцам» понять весьма непросто.

Оба его мастера владели этим искусством безупречно и лишнего никогда не болтали. Однако один из них любил пить пиво, причем много. Когда он превышал разумную дозу (а случалось это часто), у него было три базовых развлечения. Если он напивался вечером, то ходил в порт драться с такой же пьяной, как он сам, матросней; если это происходило в более раннее время, он любил вести поучительные беседы с учениками или гонять их, награждая побоями почем зря. Так как последнее его занятие этим самым ученикам страшно не нравилось, они старались перевести энергию мастера в более безопасное русло: начинали задавать вопросы и делать заинтересованные физиономии, выслушивая пространные ответы.

Так вот, темой одной из лекций и было Тиммоку. Суть ее сводилась примерно к следующему:

«Молчание – это искусство, понятное только нам, японцам, а всякие идиоты и болтуны вроде вас могут даже и не пытаться. Но так как ваш мастер сегодня добрый, то...

Итак. Молчание позволяет выражать всю палитру чувств лучше слов, оно показывает отношение человека к своему визави, подчёркивает субординацию между сотрудниками, членами семьи и т. п. Это одно из важнейших качеств, добродетель, не менее важная, чем умение говорить правду, быть искренним, честным. Вообще, у нас в Японии намного больше доверяют человеку, который больше молчит, чем тому, кто много болтает.

Иностранцы не понимают, что такое Тиммоку, не потому, что они такие глупые (даже среди моих учеников иногда попадались умные люди, правда, я никогда им об этом не говорил до окончания обучения). Дело тут скорее в особенностях нашей культуры, „плотно замешанной“ на дзэн-буддизме, где многое передается не прямо, а путём длительной молчаливой медитации.

Вообще, мы любим молчать. Даже в беседах, даже на деловых переговорах. В нашей традиционной музыке иногда пауз и интервалов („Ма“) бывает больше, чем звуков. В наших театрах Кабуки и Но случается так, что диалоги заменяются символическим молчанием героев. Наши национальные занятия, например созерцание природы, каллиграфия, икебана, тоже требуют тишины.

С теми, кто болтает лишнее, стремясь доказать свою правоту, навязать окружающим собственное мнение, у нас обходятся достаточно жёстко. Есть даже специальное выражение по этому поводу: „Забить выступающий гвоздь“.

Особо строго у нас запрещено выражение негативных эмоций – возмущения, гнева, ненависти...».

Краткую лекцию завершил он совершенно неожиданно: «В общем, хочешь бить человека – бей. А гневаться, возмущаться и кричать просто так незачем. Кстати, что-то я с вами тут заболтался, схожу-ка лучше в порт. Говорят, кораблик новый пришел, матросики с него со мной еще не знакомы, точно не удержатся, станут задирать ворчливого пьяненького старикашку».

Так что, будучи в некотором роде осведомлен по части искусства Тиммоку, я смог оценить протяженность паузы Сэнсэя. Когда мне стало понятно, что отвечать ни на один из моих вопросов он не собирается, он неожиданно заговорил: «Нет, нет, думай сам».

На этом «кино» прекратилось, и я провалился в нормальный, привычный (то есть без сновидений) сон.

Просыпаться утром я не торопился, т. к. с вечера помнил, что это воскресенье, начало семинара в десять, а идти мне целых пять минут.

К моменту подъема я уже знал, что означало «Нет, нет, думай сам». Все было очень элегантно. На один вопрос Сэнсэя я ответил тремя вопросами. А он на три моих вопроса дал один ответ. Получалось примерно так:

- А что, к каждому, кого посвящают в первую ступень Рэй-Ки, кто-то приходит?
- Нет.
- И всегда ли это Вы?
- Нет.
- И если не к каждому, то почему ко мне?
- Думай сам.

Ладно, гадать будем потом, а то опаздывать очень неохота. Говорят, что опоздание – это воровство чужого времени. Причем, если ворованную вещь иногда можно вернуть, то украденное время украдено навсегда. Так что поторопимся, а потом подумаем.

Сутки вторые

Второй день семинара даже начался не так, как первый. Дело было в том, что все «соученики» встретились, как близкие люди. Для меня, как человека без лишних эмоций, это было особенно неожиданно. Ну что ж, тем более приятно.

Игорю все эти сантименты, видимо, были давно известны, и он, не тратя лишних слов, приступил к занятиям. Первым был следующий диалог.

– Вопросы есть?

– Скажите, Игорь, а что делать, если я забуду что-то из того, что Вы нам рассказывали и показывали? – кокетливо и (надо сказать, очень умело) стреляя глазками, спросила одна из дам.

– Придете ко мне снова, повторно заплатите деньги, и я Вам все покажу и расскажу еще раз, – совершенно спокойно ответил Игорь. – Еще вопросы есть?

У ошалевшей от столь прямого ответа публики вопросов больше не было, и Игорь начал показывать положения рук для полного сеанса лечения пациента.

Пациента нужно было уложить на спину, самому усесться сзади, за его головой, и положить ладони сначала ему на лицо, потом на уши, потом под затылок, затем на темя и, наконец, снизу под подбородок. Это сейчас в Интернете можно найти множество ссылок по запросу «позиции рук Рэй-Ки (Рэйки или Рейки)» или «Reiki hand positions», а тогда все надо было понять и записать сразу, а иначе, «что с воза упало...».

С головой было понятно сразу. Занимаясь Ци-Гун, я знал, что на ней больше всего акупунктурных точек, так что начинать следовало с нее. И вообще, «голова – всему голова». То, что на голове именно пять позиций, тоже было понятно – больше просто не помещалось.

Затем пришел черед туловища: область ключиц, середина груди (женщин за грудь хватать было не велено), левая и правая половины живота, его середина, паховые складки и, наконец, колени – по необходимости.

Потом «излечуемый» должен был перевернуться на живот, и ему на спину накладывались ладони столько раз, сколько потребуется, чтобы накрыть всю площадь спины. Затем одну ладонь следовало поместить на основание шеи, а вторую – на копчик. Подколенные сгибы (как и колени) – по необходимости. Можно еще было наложить ладони на стопы. Это называлось «для заземления».

С телом, как и с головой, тоже было ясно: накрыть всю поверхность – вот и «вся недолга». А вот про заземление я не понял: человек же не электроприбор, чтобы его заземлять. Игорь любезно (он вообще был подчеркнуто любезен) объяснил, что Рэй-Ки – это разумная духовная энергия, энергия высшего уровня, энергия любви. А для того, чтобы человек «не отрывался от земли», ему рекомендовано проделать что-то совсем простое: постоять босиком на земле, поесть, попить и т. п.

– Например, переспать с женщиной? – невинным голосом спросил я.

Дам вопрос явно заинтересовал, а Игорь остался совершенно невозмутим.

– Ну, как Вам сказать, можно и так. Правда, этот процесс не только заземляет, но и приводит к большой потере энергии. Но, – улыбнулся он, – все мы люди.

После этих комментариев я понял, что подразумевалось под «заземлением». У нас это называлось «возврат к обыденному состоянию сознания». Также делалось совсем просто. Например, проделав формальный комплекс Тай-Цзи-Цюань и завершив его положением «беспредельного», рекомендовалось сделать несколько шагов, осознанно «возвращаясь обратно» к нормальной, «внешней» жизни.

Похоже было, что система Рэй-Ки явно перекликалась с теми методами внутренней работы, которые были мне известны. Это свидетельствовало о ее подлинности (все настоящее одинаково) и не могло меня не радовать.

Наконец, дошло и до принципов системы. Принципы я всегда любил: понял принципы – и больше можно ничего не изучать. При этом сможешь понимать то, чего тебе не показывали, и даже придумывать свои собственные «вариации на тему». И они окажутся правильными (если, разумеется, соответствуют принципам). Примерно так импровизируют талантливые музыканты: каждый раз по-разному и каждый раз правильно.

Принципов было шесть:

1. Именно сейчас не беспокойся.
2. Именно сейчас не гневайся.
3. Будь за все благодарен.
4. Зарабатывай на жизнь честно.
5. Уважай учителей, родителей и старших.
6. Будь добр к людям.

Но о них мы много не говорили. Всем все оказалось понятно. Правда, в голове у меня мелькнула мысль: «Тот, кто сумеет реализовать эти принципы, автоматически становится святым. А кто тут из нас святой?»

Была еще деталь. Не принцип, нет. Так, скорее примечание: на первой и второй ступенях крайне нежелательно отказывать человеку, попросившему полечить его с помощью Рэй-Ки. Это мне показалось сразу понятным: получил – делись. А почему можно отказывать, имея третью ступень, я понял несколько лет спустя, когда получил эту самую ступень. Человек, имеющий мастерский уровень, может отказать в лечении потому, что вместо лечения он может предложить человеку гораздо большее – посвящение в Рэй-Ки, чтобы тот смог лечить себя сам. В общем, «дать не рыбу, а удочку и обучить рыбной ловле».

Тут одна из дам поинтересовалась: «Но что делать, если очень не хочется?»

Тут я вспомнил старую шутку:

– Кто такой мужчина-зануда?

– Это человек, которому женщине проще не отказывать, чем объяснять, что ей этого не хочется.

Пошутить подобным образом в дамском коллективе было бы верхом неучтивости, поэтому я подавил смех и стал ждать, что ответит Игорь.

Вообще он мне нравился: у него были ответы на все вопросы. Видно было, что это далеко не первая группа, которую он обучает, и все наши вопросы он знает заранее. «Если не хотите лечить других людей, можете избежать этого двумя способами. Первый – просто никому не рассказывайте, что вы это умеете. Второй – назначьте человеку запредельную цену, и он сам откажется от ваших услуг».

Вообще, как мне казалось, для духовной практики в Рэй-Ки слишком много говорят о деньгах. С этим еще предстояло разобраться, а пока семинар явно подходил к концу.

Напутствуя нас, Игорь рекомендовал давать Рэй-Ки на питье, еду (в общем, на все), после чего перешел к самой приятной части семинара – выдаче дипломов.

Я давно заметил, что западные люди обожают всякие награды: кубки, медальки, сертификаты. Кроме того, они любят, чтобы после семинара у них (кроме, разумеется, приятных воспоминаний) оставалось в руках что-то материальное. Так что с этой точки зрения диплом был вполне достойным сувениром. Тут Игорь в очередной раз оказался на высоте. Это сейчас распечаткой на цветном принтере никого не удивишь. А в те времена ему явно

пришлось заказывать бланки дипломов в типографии. Хорошая плотная бумага, надпись на двух языках:

«Reiki Usui Shiki Ryoho
такой-то и такой-то
Инициирован в Первую ступень Системы естественного исцеления
Усуи»

Вверху был изображен иероглиф «Рэй-Ки», а внизу Игорь поставил две личных (круглую и квадратную) печати, текст на одной из которых был на английском, а на второй – на японском.

Разумеется, толку от такого «документа» не было никакого. Однако мне, как большому любителю всякой графики, он понравился, а дамы, по-моему, были в полном восторге.

Расходясь, все они наперебой спрашивали: «Игорь, а через какое время можно будет получить вторую ступень?» На что Игорь с неизменно любезной улыбкой отвечал: «Как только соберется группа». Глядя на энтузиазм присутствующих, можно было с уверенностью предсказать, что будет это весьма скоро.

А пока все приглашались на еженедельные круги Рэй-Ки для первой ступени. Те, кто был «Инициирован во Вторую ступень Системы естественного исцеления Усуи», собирались отдельно (судя по слухам, у них там были какие-то свои особые секреты).

День снова был чудесный, снова светило солнце, и на обратном пути пришлось расстегивать плащ, словно был не конец ноября, а начало апреля.

Вернувшись домой, я, согласно полученным на семинаре указаниям, отдышал и праздновал. Мне это было совсем не сложно – ведь это был день рождения дочери. Снова совпадение?

Похоже, что ритм, когда рабочим у меня был только день, изменился: обучение продолжилось и во сне. Кстати, общение с Сэнсэем совершенно не ухудшало качество ночного отдыха. Наоборот, на следующее после его «визитов» утро я пребывал в прекрасном расположении духа и порхал, как птичка.

На этот раз встреча состоялась в его саду, на рассвете. Выходило солнце, и Мастер (теперь я мог сказать это с полной ответственностью, вплоть до заглавной буквы в этом слове) завершал выполнение формального воинского комплекса.

Ишь ты, как время встречи подобрал. Наверняка для того, чтобы я смог оценить его мастерство. Да еще в таком саду, да на фоне такого восхода. Понимаю, оценил. Если бы меня не такие же мастера учили, вообще бы сейчас разрыдался от восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.